# ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ "СТЯЖЁННОЕ" Н. КУЗАНСКОГО И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ В УЧЕНИИ Л.П. КАРСАВИНА

*Ю.Б. Мелих*

Николай Кузанский – это мыслитель, имя которого часто упоминается и на которого постоянно ссылаются представители философии всеединства. В учении Кузанского можно найти много идей и подходов, которые близки не только Л.П. Карсавину и С.Л. Франку. М. Хайдеггер использует понятия "идентичность и дифференция"; в философии диалога присутствует взаимоотношение между "не иным и иным" (non aliud et aliud); в символизме – отношение между невидимым и видимым как его образом. Проблемы, связанные с осмыслением субъективности и индивидуальности в европейской философской традиции, нельзя представить без учения Кузанского, которое содержит в себе новаторские элементы как для философии и богословия, так и для математики, медицины, филологии. В учении Кузанского заключены истоки многих персоналистских положений Карсавина.

В данной работе внимание концентрируется на понятия "contractio" ("стяжённость"), при этом учение Кузанского рассматривается в теоретико-познавательном методологическом ключе. Нас интересует не просто, *что* утверждает Кузанский, а *как* он мыслит. Такой подход к анализу учения Кузанского уже был осуществлен Э. Кассирером и Э. Хоффманном (последний замечает, что результаты его исследования близки к выводам Кассирера)[1]. Внимание именно к исследованию Хоффмана связано с тем, что он, в отличие от Кассирера, на первый план выдвигает тему христологии Кузанского, только с учетом которой (по мнению Хоффмана, и заметим, что автор его разделяет) учение Кузанского становится системой. А это дает возможность в данном исследовании наиболее адекватно выявить специфику термина "contractio" и провести параллели с философией всеединства Карсавина.

Излагая свою концепцию личности, Карсавин постоянно ссылается на положение Кузанского "все во всем находится стяжённо" (Кузанский в свою очередь пользуется утверждением Анаксагора "все во всем" – "quodlibet esse in quolibet", и формулирует: "в каждом творении Вселенная пребывает в качестве этого творения и так каждое вбирает все вещи, становящиеся в нем конкретно (стяжённо. – *Ю.М.*) им самим"[2]. – "In qualibet enim creatura universum est ipsa crea-

---

[1] Ср.: *Hoffmann E.* Das Universum des Nikolaus von Cues. Heidelberg. 1930. S. 3; *Cassirer E.* Individuum und Kosmos in der Philosophie der Renaissance. Leipzig; B., 1927.

[2] *Николай Кузанский.* Об ученом незнании // Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М., 1979. Т. 1. С. 110. Понятие *contractio*, переведенное В.В. Бибихиным как *конкретное*, читать как *стяжённое*.

tura, et ita quodlibet recipit omnia, ut in ipso sint ipsum contracte"[3]), которое дает ему возможность допустить исходное (онтологическое, невременное) совершенство тварного мира. Но Карсавин не останавливается более подробно на раскрытии этого понятия, по-видимому считая его достаточно ясным. Однако вопрос о значении данного положения для современного читателя совсем не очевиден. Особенно это относится к понятию "стяжённо" – "contracte" ("стяжённость" – "contractio"), которое сегодня не только не общеупотребительно, но даже заключает в себе некую загадочность. Представляется целесообразным проследить, как Кузанский вводил понятие "contracte", что он хотел определить с помощью этого понятия, что именно объяснить. Небезынтересен и тот факт, что понятие "стяжённо" не перенимается другими мыслителями. Трудности возникают и из-за различных переводом кузановского "contracte".

В русском языке существуют по крайней мере три перевода: "ограниченное" у С.А. Лопашова (1937), "конкретное" у В.В. Бибихина (1979) и перевод Карсавина как "стяжённое". Немало трудностей возникло и при переводе "contractio" на европейские языки. Так, в немецком переводе "contractio" Кузанского означает "Verschränkung" – ограничение, стеснение. Карл Ясперс определяет стяжённое через конкретное, т.е. употребляет его со связкой "или" (contractum seu concretum), где Бог являет собой Абсолютное бытие, а Универсум – конкретное. Абсолютно наибольшее в Универсуме становится стяжённо наибольшим, т.е. ограничивается[4]. Ясперс фиксирует внимание преимущественно на данном отношении между Абсолютом и Универсумом, Богом и миром, и не уделяет внимания стяжённости Универсума к единичному, и наоборот, т.е. принципу: "все во всем находится стяжённо". Перевод "contracte" словом "конкретное" представляется неудовлетворительным, ибо он порождает ряд вопросов, например, такой: почему Кузанский, употребляя это понятие "concretus", которое означает уплотнение, все же не ограничивается им[5].

Автор предпочитает использовать перевод Карсавина. Правда, в нем есть свои недостатки, прежде всего это непрозрачность смысла для современного читателя. Однако слово "стяжённость" для обозначения "contractio" все же демонстрирует стяжение множественного в единство, во всеединство, ко всему. Стягивание любой чтойности, любого единичного к своей самости, отличной от все-

---

[3] *Nikolaus von Kues*. Die wissende Unwissenheit // Nikolaus von Kues. Philosophisch-theologische Schriften / Hrsg. und eingeführt von L. Gabriel; Übersetzt und kommentiert von D. und W. Dupre. Studien-und Jubiläumsausgabe. Lateinisch-Deutsch. Bd. 1. Wien, 1964. S. 344. Далее Кузанский пишет: "Cum quodlibet non possit esse actu omnia, cum sit contractum, contrahit omnia, ut sint ipsum. Si igitur *omnia sunt in omnibus*, omnia videntur quodlibet praecedere". Курсивом выделенная автором фраза переводится Бибихиным как "все во всем".

[4] Ср.: *Jaspers K*. Nikolaus Cusanus. München, 1964. S. 115–116.

[5] Contractio u concretus пересекаются в значении уплотнения, стеснения.

го, – это, собственно, и составляет смысл рассуждений Кузанского, в отличие от слова "конкретное", которое суживает смысл "contracte" сферой познания; или слова "ограниченное", которое высвечивает лишь один, притом не основной, его аспект.

Впоследствии нам предстоит убедиться, сколь многогранно и многофункционально, богато содержанием понятия "contractio" у Кузанского (и также в том, что слова "стяжённость" и "стяжённое" наиболее адекватно передают многоаспектность этого понятия).

Понятие "contractio" Кузанский вводит в своем фундаментальном труде "De docta ingorantia" ("Об ученом незнании"), в котором он (в трех книгах) развивает представление о мире и пытается со всей логической строгостью последовательно мыслить Вселенную. Вселенная для Кузанского это "все" – за исключением понятия Бога. Только Бог отделен от Вселенной, Абсолютен. Вселенная в своей основе постоянно иное (aliud), это тотальность везде и всегда иного, где все находится в отношении друг к другу, не существует одной вещи без другой, не существует понятия без порядка других понятий, числа без других чисел. Только Бог не-иное (non-aliud). Вселенная для него – Единое во многом. Бог это единство, которое не знает множества. Вселенная понимается Кузанским как бытие, воспринимаемое и мыслимое, чувственное и не чувственное. Чтобы было возможным логическое обоснование таким образом мыслимых Абсолюта и Абсолютного Бытия (Вселенной), "благодаря которому все вещи суть то, что они суть"[6], Кузанский вводит одно из вспомогательных понятий "contractio", которое должно объяснить самость, чтойность вещей. Поскольку три книги "Ученого незнания" внутренне едины, опираются на строгую логику, целесообразно проследить, как Кузанский подходит к необходимости введения этого понятия, какое место в данной логике ему принадлежит.

Основополагающая идея, на которой, как на фундаменте, выстраивается философия Кузанского, – это утверждение о "coincidentia oppositorum", совпадении противоположностей. Эта идея, воплотившаяся в учении о Боге как совпадении противоположностей, а также в математических доказательствах равенства максимума и минимума и др., возникла у Кузанского не без влияния *Раймунда Луллия* (1235–1315), одна из работ которого называется "О квадратуре и треугольности круга"[7]. П.П. Гайденко отмечает, что учение

---

[6] *Николай Кузанский.* Об ученом незнании. С. 52.

[7] Об этом Кузанский сообщает в конце работы "Об ученом незнании", где он отмечает, что ее замысел возник у него на корабле, когда он возвращался из Византии в Италию в 1438 г., сопровождая высокопоставленных представителей православной церкви на собор, в связи с подготовкой Флорентийской Унии. Иллюстрацией к этой идее может служить невозможность совмещения квадрата и круга. Греческие мыслители решают такую задачу как арифметически рационально выражаемую площадь квадрата $a^2$ с арифметически иррациональной площадью круга $\Diamond r^2$, вписывая квадрат в круг и мысля количество сторон многоугольника как $n$, бесконечное.

Кузанского было подготовлено как под влиянием средневековой философии, так и неоплатонизма, но "это не умаляет значения его работ", которые уводят «далеко и от античного неоплатонизма, и от "радикального объективизма"»[8]. Кузанский видит, что математика представляет собой способ мышления, который не останавливается на конечном, в бесконечном же возможно совпадение противоположностей и, таким образом, эмпирически данные противоположности и нерешаемые противоречия, мыслимые в бесконечности, в ней совпадают. Противоположности, существуя в конечном, при внесении их в мышление бесконечного, которое представляет собой продукт познающего мышления, являются составной частью высшего единства. Кузанский превращает истинный в математике логический принцип в общий принцип мышления при определении отношения конечного и бесконечного. Мышление, по Кузанскому, возможно только как познающее, соизмеряющее отношения; мир конкретного может быть познан только в сравнении конкретного друг с другом. Бесконечность может быть мыслима, но условием этой мыслимости выступает ее соизмеримость с конечным. Противоречия, не решаемые в рамках конечно и единично мыслимого мира, решаются при допущении существования бесконечного как соотносимого с конечным, но отличного от него.

Кузанский вводит понимание фундаментально различных областей Абсолютного, бесконечного и относительного, конечного. В понимании соизмеримости этого отношения и состоит "революционность" мысли Кузанского. Это подчеркивает Хоффманн, указывая, что таким образом мыслимое отношение предполагает отсутствие опосредующих звеньев между конечным и бесконечным, в чем резкое отличие от томизма и аристотелизма[9], а также и от платонизма. Многоугольники могут быть большими или маленькими, как нечто конечное, они все гомогенны своей конечностью и одинаково далеки от бесконечного многоугольника и несоизмеримы с ним. Между сравнимым, соизмеримым (comparatio) и надсравнимым (superlatio) не существует переходных ступеней. И более того, все сравнимое имеет смысл только перед возможностью несравнимого, пусть даже само несравнимое находится по ту сторону всякого сравнения. Надсравнимое (superlatio) не имеет ничего, с чем можно было бы сравнивать. Все сравнимое, соизмеримое, все познаваемое и само познание как бы прекращают свое существование, как только предметом знания становится само бесконечное, Абсолютное в своей адекватной сущности. В рамках конечного допускаются противоречия, действует логика Аристотеля, в которой от одной конечности до другой прокладываются последовательные мыслительные шаги. Кузанский объявляет фундаментальной ошибкой в богословии под-

---

[8] *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки: XVII–XVIII вв. М., 1987. С. 65.

[9] Ср.: *Hoffmann E.* Das Universum des Nikolaus von Cues. S. 8.

ход к бесконечному как последовательный, рекурсивный путь, как путь от особенного к логически общему, подобный тому, который проделывается в рамках мышления конечного и единичного. Все обобщающие понятия родов и видов и даже универсальные понятия относятся еще к Универсуму, ко Вселенной, т.е. к тому, что по эту сторону Абсолюта. Поэтому к бесконечному применима только отрицательная форма знания, т.е. такие определения, как непознаваемое, несравнимое, непреходящее и т.д. Отпадает, таким образом, необходимость обоснования Абсолютного как восхождения от одного силлогизма к другому как последовательного выстраивания иерархии. Такая иерархия присутствует у Аристотеля в соотнесенности различных сфер в Космосе или у Эриугены как ступенчатость природы. В Универсуме теряется его центричность, там нет ни верха, ни низа. Сохраняется только разграничение между конечным и бесконечным, познаваемым и непознаваемым, Абсолютным и Универсумом, Вселенной.

Первая книга труда "Об ученом незнании" должна была показать, по утверждению Кузанского, как Бог есть Единое, есть Все. Вторая же – описать, как все есть Бог. Так же как, следуя его доказательству max = min, и в сфере бесконечного можно одно понятие определить через другое, как бы по кругу, например, "высшая справедливость есть высшая истина, а высшая истина есть высшая справедливость, и так в отношении всего"[10]. Как это есть и как это можно мыслить, Кузанский иллюстрирует во второй книге, вводя другие понятия: Универсум, единство – множество, свертывание – развертывание, каждое – все и стяжённость (contractio). Это такие же пары понятий, как бесконечное и конечное. Кузанский подчеркивает, что во второй книге он разворачивает принципы, содержащиеся в первой, эксплицируя, делая очевидным то, что только имплицитно было заключено в утверждениях первой книги. Как бесконечность полагает конечность, может быть мыслима только через конечное, которое в своем пределе – как максимальный минимум – равен Абсолютному, так и каждое равно Единому. Единое может быть мыслимо через единичное все. Посредником между Абсолютным Единым и единством множества служит Универсум.

Все понятия Кузанского имеют числовую природу, являясь в силу этого неким ограничением. И число – это то, что опосредует связь между подвижным, преходящим, изменчивым и общим, постоянным, которое возможно только мыслить. Понятие Универсума, Вселенной – это тоже посредник. Оно опосредует связь между изменчивым многообразием Вселенной и тем, что ее объединяет. Это абстрактная сущность мыслимого бытия, которая в то же время не совсем лишена материальных опор, без чего ее было бы нельзя во-

---

[10] *Николай Кузанский.* Об ученом незнании. С. 84.

образить, помыслить[11]. Бытие у Кузанского – это иллюстрация способности Абсолютного содержать в себе все через посредство Универсума. Демонстрацию принципа свертывания и развертывания Кузанский проводит опять же при помощи математических фигур, многообразие которых сводимо или выводимо из точки. Разница между точкой и линией состоит в том, что бытие линии имплицитно содержится в точке, в свою очередь линия – это экспликация точки, развертывание бытия имплицитно находящегося в точке. Площадь – это эксплицированная линия. Но эта экспликация возможна и реализует себя как способность мышления выявлять, делать очевидным то, что имплицитно в нем находится, исходя из своего собственного содержания. Интеллект у Кузанского не детерминирует вещи, которые он рассматривает, это дело Божественного разума. Интеллект осознает свою способность до бесконечности познавать бытие, а также осознает себя как сущность, призванную развертывать себя до бесконечности. Развертывание предполагает некий изначальный пункт, содержащий в себе все возможное для экспликации, некое основание. Таким основанием является Бог. Вводя понятие развертывания, Кузанский следует своей исходной посылке – отказу от идеи иерархичности Универсума по отношению к Абсолютному. Развертывание равноценных единиц, точек, если следовать математическому примеру Кузанского, ведет к познанию бытия как соизмеримого, сводимого к единству, что подтверждает в свою очередь свойство бытия обладать этим единством. Выводимость линии из точки и сводимость ее в точку позволяет продемонстрировать, как возможно помыслить единство множества.

Множество не обладает здесь качественным различием, множество как множество единичности как таковой. Но в то же время, через понятия свертывания и развертывания Кузанский демонстрирует возможность помыслить в едином многое, которое проявляет себя. Линия – это и точка и линия одновременно, но она и от-лична от точки. Для того чтобы фиксировать эту отличность, т.е. то, что существование всего единичного "участняемо", иначе формулируя; чтойность, неодинаковой всего единичного, Кузанский и вводит понятие "стяжённо". Стяжённость – это то, через посредством чего можно объяснить существование вещей такими, какие они есть, их самость, и в этом смысле – их конкретность. Но ведь решающее стяжение Универсума происходит по отношению к Абсолютному Максимуму и состоит в том, что единство мира – это всегда единство множества единичных вещей. Стяжённость в силу этого есть отношение между Богом-Миром и единичностью. Таким образом, через понятия свертывания и развертывания Кузанский определяет пару понятий "единство" и "множество", как они относятся друг к другу в

[11] Ср.: Там же. С. 65.

Универсуме. Другое объяснение требуется для раскрытия единичности, которая представлена Кузанским в паре с понятием "все", которая должна решить проблему особенного и общего. Обе пары понятий в комбинации ставят Универсум как медиум между Единым Абсолютным и единичным индивидуальным. Универсум – это одно для многого и общее для особенного. Универсум, будучи связующим понятием, являет собой уже и посюсторонность по отношению к Абсолютному, которая не лишена противоречивости конкретной, различенной единичности. То, что делает единичность отличной от Абсолютного, как раз и есть стяжённость. В Универсуме есть все, но стяжённо, это первый момент дифференциации Абсолютного по отношению к Универсуму. Как это возможно, Кузанский не объясняет. Более того, он твердо заявляет, что этого знать нельзя, ибо мышление может представить уже имеющееся отношение, которое было имплицитно в нем. Переход от мыслимого конечного к мыслимому бесконечному вследствие несоизмеримости бесконечного представляет собой скачок: "...желающий понять максимум в простом созерцании должен совершить скачок за пределы вещественного различия и разнообразия"[12].

Проводя последовательно принцип стяжённости Кузанский переходит от стяжённости Универсума к Абсолютному, от стяжённости единичного к Универсуму, в котором каждое содержит в себе все стяжённо, создавая микроуниверсум. Этот принцип развертывается из первого основного, где все сводимо к единому и *max = min*, где каждое, единичное, стяжённое = все = Универсум, где каждое содержит в себе возможность непосредственного скачка в бесконечное. Чтойностью, самостью Универсума является свойство быть всем, вне его ничего не может быть, и в качестве этого "все", он есть в каждом, но стяжённо, оставляя всему единичному возможность для выражения самости: "...в каждом творении Вселенная пребывает в качестве этого творения и так каждое вбирает все вещи, становящиеся в нем конкретно им самим: не имея возможности из-за своей конкретной определенности быть актуально всем, каждое конкретизует собой все, определяя все в себя самого"[13].

Через стяжённость определяется и первичная раз-личенность между бесконечностью и конечностью, сложностью и простотой, вечностью и последовательностью. Здесь представляется оправданным говорить о первичном ограничении, о наличии первичных отношений, взаимоограничивающих максимально общие понятия. И здесь же повторяется и основной принцип Кузанского – равнозначной действенности стяжённости для предельно общих понятий и для каждой единичности, неопосредованность отношения между макси-

---

[12] Там же. С. 63–64.

[13] Там же. С. 110, ср. сноску 154.

мумом и минимумом. "Стяжённо" объясняет не только, как возможно мыслить существование онтологически всего во всем, но одновременно это логическая конструкция самого мышления. Единичное, индивидуальное и общее может быть схвачено в понятиях абстрактного и конкретного. Происходит как бы раздвоение значения понятия "стяжённо": оно становится связующим звеном между мыслимым и тем, как оно мыслится.

Примером всего во всем может послужить отношение человечества и человека. Кузанский поясняет этот термин в другой своей работе, "О предположениях", которая должна далее разъяснить, представить посредством интеллектуального наблюдения, более конкретно развернуть данное понятие, подтвердить – через введение других мыслительных образов и понятий – уже сказанное. Здесь появляются понятия "различие" и "сходство". Но опять же повторяется общая схема: различие, мыслимое в бесконечность, являет собой "не более различие, чем сходство". "Каждое сходится и разнится с каждым, и только точное равенство здесь невозможно: такая точность абсолютно возвышается над универсумом вещей"[14]. В рамках же Универсума можно найти родовые, видовые сходства и различия. Кузанский приводит образный пример, используя математическую терминологию. Он представляет Универсум кругом, где в центре каждого минимального круга есть нечто единичное, которое как таковое имеет сходство со всем в Универсуме. В качестве же центра оно отлично от круга, в котором оно рассматривается, но имеет с ним родовое сходство. Затем оно имеет более конкретное видовое сходство с содержимым более узкого круга и т.д., доходя до единичности, которая все индивидуализирует, являя собой наиболее узкий, стяжённый круг. Вселенная-Универсум универсализирует все. Кузанский, обращаясь к кардиналу Юлиану, говорит, и в шутку и всерьез, что в нем все универсальное, родовое и видовое, "юлианствует", "как гармония в арфе арфствует" ... и т.д., ни в ком другом, как в индивидууме, это невозможно. Процесс конкретизации стяжения можно, по Кузанскому, проделать и в другом направлении, если переходить к расчлененным сходствам, необходимо разрешить "самый стяжённый круг во всеобщий"[15]. Эта уникально сложная и метафизически богатая разверстка представления об индивидуации – через понятия сходства и различия и стяжённости – важна еще тем, что понятия "юлианствовать", "арфствовать" как фиксация проявления индивидуальности, как мы увидим впоследствии, близки представлениям Карсавина о единичных качествованиях, их актуализации в принципе универсально-бесконечного многообразия личности. У Карсавина "я" стяжённо содержит все, но индивидуализирует, качествует, проявляя себя, свою единичность по-разному.

---

[14] *Николай Кузанский.* О предположениях // Николай Кузанский. Соч. В 2 т. Т. 1. С. 230.

[15] Там же. С. 231.

Итак, основное назначение "стяжённости" – обоснование вещи такой, как она есть, что подводит к пониманию различия как основы индивидуальности: но одновременно подчеркивается, что выраженность различия возможна только через "стяжение" единичности к чему-то. Связанность стяжённости с идентичностью, индивидуальностью подчеркивает Карсавин. Из различных формулировок "стяжённости" у Кузанского ему особенно близко то определение, которое он передает другим, сегодня не сразу понятным словом – "участняемость". Речь идет о том, что каждое единичное, будучи "стяжённым" в целостном единстве Универсума, одновременно есть "стяжённое" по отношению к себе самому, к своему неповторимо-частному, индивидуализируемому единству (к своего рода микромиру частного, сугубо конкретного). Ведь и сам Кузанский определяет идентичность Универсума через дифференцию: "тождество (идентичность. – *Ю.М.*) Вселенной пребывает в различии (дифференции. – *Ю.М.*), как и ее единство – в множестве"[16] ("identitas universi est in diversitate sicut unitas in pluralitate"[17]). Слово "*различие*" в русском языке – более удачное, чем латинское понятие "дифференция", которое требует дополнительного разъяснения через "участняемость" (что и делает Кузанский), в то время как различие по существу уже предполагает "участняемость", как привативность, личностность. Стяжённость как "участняемость" Абсолютного Максимума к Универсуму, и как "участняемость" каждого к другому единичному и Универсуму, определяемая через дифференцию, является предметом философской рефлексии таких мыслителей, как Хайдеггер, а вслед за ним и Деррида, Делёз и др. Однако эти мыслители, перенимая понятие "дифференция", почему-то обходят молчанием понятие "стяжённого" у Кузанского. А вот является ли понятие "дифференции" достаточным для обоснования идентичности, это вопрос для специального исследования. У Кузанского дифференция начинается со стяжения к чему-то и возможна при условии наличия всего во всем, которое выводимо из себя развертывающего Единого.

В связи с переходом от Абсолютного Максимума к Универсуму, как от того, что нельзя помыслить и определить в его сущности, к мыслимому Универсуму, Кузанский, как уже упоминалось, пользуется понятием "скачка", что опять же наводит мысль о параллелизме размышлений Кузанского и Хайдеггера. Хайдеггер анализирует предложение Парменида о равенстве мышления и бытия и утверждает идентичность как нечто равное с самим собой. При обосновании этого положения он ссылается на Платона[18]. Идентичность – это положенность бытия в его основе, она возможна только через

---

[16] *Николай Кузанский.* Об ученом незнании. С. 108.
[17] *Nikolaus von Kues.* Die wissende Unwissenheit. S. 340.
[18] См.: Identität und Differenz / M. Heidegger. Stuttgart, 1996. S. 10–14.

чтойность, которая пребывает, определяется в языке. Язык, по утверждению Хайдеггера, это дом бытия. Прыжок (Sprung) происходит из единства бытия и мышления в язык, через который человек сопринадлежит, со-бытийствует с сущностью бытия, что осознается мышлением в противопоставлении самому к себе. Таким образом, "прыжок" у Хайдеггера связан с мышлением и бытием, с сущностным их единством, с тем, что определяет их идентичность, самость. Данное положение Хайдеггера мы не можем анализировать здесь более подробно. Существенным в данном контексте является то, что Хайдеггер мыслит в тех же понятиях и в том же контексте соотнесенность бытия, мышления и идентичности. Близкая Кузанскому позиция прослеживается и у Кьеркегора, когда он утверждает необходимость скачка из бесконечности, потусторонности в конечность, определенность, отрицая понятие "опосредования" у Гегеля: "Всякое движение бесконечности осуществляется посредством страсти, и никакая рефлексия не в состоянии вызвать движение. Таков постоянно длящийся прыжок, в этом наличном существовании – прыжок, который объясняет движение..."[19]

Возвращаясь к Карсавину, заметим, что он не упускает понятие "стяжённого" у Кузанского, но и не развивает его. Обоснование Кузанским наличия всего во всем, выход через стяжённость к индивидуальному, по степени выраженности совершенства которого человек превышает всю остальную тварность, сознавая себя моментом высшего совершенного единства, – эти элементы учения Кузанского неоднократно воспроизводятся у Карсавина и применяются им в концепции личности.

Карсавин работает с текстами Кузанского в связи с написанием своего сочинения "Джиордано Бруно", в котором он выделяет и основные, значимые для метафизики моменты учения Кузанского. Центральной проблематикой средневековья, по Карсавину, является осмысление отношения личности к миру и к Богу, со свойственным ему преобладанием стремления к Абсолютному, в отличие от Ренессанса, в котором преобладает стремление к миру, Кузанский, будучи человеком средневековья, кардиналом Апостольской церкви, тяготея к Абсолютному, все же "раскрывает в Божестве смысл мира". Ему, по убеждению Карсавина, удается совершить синтез метафизики и жизни, вводя различие между Абсолютным и "стяжённою комплицитностью вселенной"[20], между негативно бесконечным и стяжённо бесконечным. Негативно бесконечное – это актуальная бесконечность, это – Бог. "Наоборот, Вселенная, охватывая все, что

---

[19] *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М., 1993. С. 42.

[20] *Карсавин Л.П.* Джиордано Бруно. Берлин, 1925. С. 264. Термин "комплицитность условная или стяжённая" употребляется Карсавиным вслед за Кузанским. Последний вводит пару понятий "complicatio–explicatio" (свернутость–развернутость).

не есть бог, не может быть негативно бесконечной, хотя она не имеет предела и тем самым привативно бесконечна"[21]. Гайденко раскрывает смысл утверждения Кузанского о привативной, стяжённой бесконечности в том, что в современном представлении называется потенциальной бесконечностью и что в античности именовалось как беспредельное. Вселенная у Кузанского "не имеет предела", так как "всегда может быть актуально больше", т.е. к ней могут быть прибавлены конечные величины, в то время как актуальная бесконечность, являясь Абсолютной, не может чего-то не иметь и, следовательно, что-то прибавлять. Привативная бесконечность может возрастать без предела, но никогда не превратится в актуальную бесконечность, такой бесконечностью обладает Вселенная, Универсум[22].

Через стяжённость Кузанский вводит понимание о некой особенной координации личности с Абсолютным, в ощущении полного единства с Ним. Но это единство не эмпирическое, а "потухание эмпирической противопоставленности и разъединенности при сохранении истинной"[23] сущности своего Я, личности. Это то, что Карсавин называет "истинным Всеединством", а Гайденко говорит о "тайне индивидуального бытия" до конца непознаваемого. Карсавин учитывает наличие этой новой координации личности с Абсолютным и вводит в свою концепцию личности понятие "стяжённости". Наиболее полно Карсавин формулирует свою интерпретацию стяжённого в работе "О началах": "Эмпирическое мое сознающее себя бытие и есть мое несовершенное триединство, момент моего совершенного, двуединого с Божьим. В качестве такого ограниченного момента я все же некоторым образом содержу и опознаю высшее мое триединство и Триединство Божье. Но содержу и опознаю я их участняемо и умаляемо – словно сжав их друг с другом и со мною, "стяжённо", "contracte", как говорил *Николай Кузанский*»[24]. По существу в этой цитате представлены главные моменты смысла понятия "стяжённо", как его интерпретирует, развертывает Карсавин: 1) понятие "стяжённо" работает на онтологическом уровне – "я содержу" высшее триединство; 2) на познавательном уровне, – "я опознаю" триединство свое с Божьим; 3) я делаю это участняемо, т.е. в своей индивидуальности, единичности; 4) я делаю это "умаляемо", т.е. ограничено, в соответствии с возможностями. В первых двух аспектах "стяжённость" выступает как "стягивание" в единство; во вторых двух аспектах – как "сжатие", "умаление" (именно как "уча-

---

[21] *Николай Кузанский.* Об ученом незнании. С. 98–99.

[22] Ср.: *Гайденко П.П.* Николай Кузанский и формирование теоретических предпосылок науки нового времени // Вопр. истории естествознания и техники. 1988. № 3. С. 65.

[23] *Карсавин Л.П.* Джордано Бруно. С. 262.

[24] *Карсавин Л.П.* О началах. Берлин, 1925. С. 90.

стнение"). Можно задать вопрос, является ли стяжённость динамическим принципом или статическим? Кузанский всегда подчеркивает что ответ на вопрос: "Как возможно нечто?" известен только Богу. Человеческий же разум мыслит это как данное отношение, т.е. не как нечто есть, а что есть. Ответ на этот вопрос даже в рамках философии всеединства неоднозначен. У Карсавина "стяжённость" – это *данное* отношение, у Франка же – динамика, развертывающееся *стяжение*.

Франк также использует это понятие в одной из своих самых значительных работ "Непостижимое", когда он подробно анализирует трактат Кузанского "Об ученом незнании" и, таким образом, как бы исходя из него представляет и обосновывает свою концепцию всеединства. Франк определяет схему своего построения анализа непостижимого: "Это – пока лишь гипотетическое допущенное нами – начало *непостижимого* мы пытаемся проследить в трех слоях бытия: 1) *в окружающем нас мире* или – шире говоря – в том, что предстоит нам как *предметное бытие*... 2) *в нашем собственном бытии*... и 3) в том слое реальности, который в качестве первоосновы и всеединства как-то объединяет и обосновывает оба эти различные и разнородные мира"[25]. О стяжённости Франк начинает говорить во втором слое бытия как о двуединстве бытия и самости. В отличие от Карсавина, который не использует понятия бытия, а начинает с самопознающего субъекта, концепция Франка развивается под влиянием и параллельно позиции Кузанского, у которого стяжённое выступает как отношение между безграничным Абсолютным бытием и самобытием: «"Все" – *всеединство бытия, – взятое как единичное, и есть именно то, что мы разумеем под непосредственным самобытием*. Будучи в каком-то смысле всеобъемлющим, абсолютным, оно все же такое абсолютное, которое отделяется от всего остального и имеет его вне себя; оно как бы *сжимается*, уходит внутрь себя и именно в этой умаленной, стиснутой форме бытия – именно в качестве лишь *одного* среди многого иного – имеет себя, есть бытие-для-себя, или "самобытие"» (курсив мой. – *Ю.М.*)[26]. Обратим внимание, что Франк фактически подчеркивает момент "сжатия", "стиснутости" бытия, всего в бытийственной единичности, тем самым объективно воспроизводя и толкование Кузанского, и интерпретацию Карсавина. Как Кузанский и Карсавин, Франк связывает с понятием стяжённости существование бытия как самобытия, т.е. самости, выявленности в бытии его "чтойности". Непроясненной остается динамика сжатия, в частности за счет чего она происходит.

В данной ситуации можно воспользоваться толкованием стяжённого в аспекте статики или динамики у Хоффманна и Херольда.

---

[25] *Франк С.Л.* Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Соч. М., 1990. С. 198.

[26] Там же. С. 334.

Хоффманн утверждает, что contractio – это "процесс, с помощью которого Абсолютное себя лимитирует и ограничивает в относительном", т.е. с его помощью совершается "шаг от единства к Единому", и что в результате этого процесса "единицей положена двойка, двойкой – тройка"[27] и т.д. Херольд же понимает contractio следующим образом: "В каждом единичном есть все, стяжённо как именно эта реально существующая вещь. Постоянство единичного обеспечивается только через эту универсальную взаимосвязь. Кузанский поэтому может утверждать, что Универсум (Gesamt) в каждом единичном стяжении "покоится"[28]. Если Хоффманн говорит об отношении Абсолютного к единичному, то Херольд – об отношении общего к единичному. Таким образом проясняется, что стяжённость как динамика единства охватывает два уровня отношений: в первом, единичное соизмеримо всему, являясь всем стяжённо, как и Универсум, во втором, единичное и Универсум относятся к Абсолютному. "Наибольшее" и "наименьшее" в бытии содержат в себе все и стоят непосредственно перед Абсолютным, развертывая, раскрывая себя в интеллектуальном наблюдении обращенного на себя мышления. В этом учении Кузанского заложены начала тех идей, которые будут сформулированы как творческий минимум у Бруно, монада у Лейбница и дедуктивное выведение мира из Бога у Спинозы. Не удивительно, что именно эти мыслители представят философский фундамент, основу для развития идей персонализма и в то же время окажут значительное влияние на концепцию личности у Карсавина. В учении Кузанского положения философии этих мыслителей "имеют... свое генеалогическое начало"[29].

Если первые два плана направления мысли Кузанского имели основой демонстрацию возможности мыслимости Универсума как отличного от Бога и в себе тотального бытия, то третьим планом выступает проблема смысла, мотива Универсума, "concordantia". Понятие "стяжённое" фиксирует отношение неопосредованной соотносимости каждого как единичного, т.е. микроуниверсума, в его индивидуальности с Абсолютом и обуславливает возможность обращенности, направленности на совершенное, на Абсолют. В познавательном аспекте неопосредованная соотнесенность единичного, индивидуального с Абсолютом проявляется в кузановской формулировке о знании как умудренном неведении. Как отмечает Гайденко, она может толковаться следующим образом: "...индивидуальное несет в себе тайну, которая никогда не может быть раскрыта до конца... Как раз переживание этой до конца не раскрываемой божественной тайны в каждом индивидуальном существе и явлении –

---

[27] *Hoffmann E.* Das Universum des Nikolaus von Cues. S. 20.

[28] *Herold N.* Menschliche Perspektive und Wahrheit. Zur Deutung der Subjektivität in den philosophischen Schriften des Nikolaus von Kues. Münster, 1975. S. 19.

[29] *Hoffmann E.* Das Universum des Nikolaus von Cues. S. 16.

вот то высшее из человеческих состояний, которое более всего доставляет радости ученому"[30]. Обоснование возможности обращенности единичного, индивидуального на совершенное, на Абсолют может в свою очередь осознаваться как "задание". Это задание связано с осознанием своей ограниченности и, в то же время, возможностью совершенствования, которое привносит в данное отношение элемент свободы. Об этом и о том, что придает смысл Универсуму, Вселенной, речь идет в третьей книге Кузанского.

Определяя "мотив" существования Универсума, Кузанский мыслит его в двух направлениях – это мысль о Христе и о церкви. В третьей книге выявляется и смысл того, какие следствия может заключать в себе идея о таким образом мыслимом Универсуме. Можно утверждать: Кузанский полагает, что являющий себя таким образом Универсум может быть объяснен и представлен только из Единого. Как уже отмечалось, исходная мысль концепции Кузанского возникла у него на корабле, во время возвращения из Византии. В то время обсуждались расхождения представителей восточной и западной церквей. В воздухе витала проблема объяснения разногласий в рамках христианства, а также существования ересей и других религий. Последовательно мыслимый из Единого Универсум как необходимое единство множества (причем множества единичности как самости, различности, обуславливающей невозможность абсолютного равенства) несет в себе и идею необходимости многообразия в выражении Единого. Отсюда и каждая единичная религия по-своему выявляет высшее единство и каждая является, таким образом, ценной. Но каждая религия должна быть проникнута сознанием того, что она только умаленно может выразить абсолютную идею. Никакая религия не обладает приоритетом, многообразие и индивидуальность становятся тем, что должно выражать идею существования Абсолютного. Кузанский приводит известный пример с картинами в брюссельской ратуше, в капелле св. Вероники в Кобленце и др., когда каждый и все, одновременно обратя взор к картине, видят взгляд, обращенный на себя. И даже если наблюдатели движутся в противоположные стороны, т.е. или навстречу друг другу, или отдаляясь друг от друга, взгляд с картины следует за ними. Чтобы узнать это, нужно иметь перед собой другого и верить тому, что он говорит. Одновременно Кузанский утверждает, что "взгляд иконы не оставляет никого, даже движущихся в противоположных направлениях"[31]. Этот пример Кузанский приводит в другой своей работе "О видении Бога", более ориентированной на осмысление свободы и воли индивидуума. Но онтологическим осно-

---

[30] *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки: XVII–XVIII вв. С. 58.

[31] *Николай Кузанский.* О видении Бога // Николай Кузанский. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 36.

ванием представляемых им позиций является уже рассмотренный труд "Об ученом незнании".

Принцип свертывания и развертывания полагает развертывание чистой мысли Бога, «Единство настоящей религии стало эксплицитным в многообразии различных религиозных сект: "Una religio in rituum varietate"»[32]. Отпадает необходимость поиска универсальной религии, так как Абсолютное находится по ту сторону эмпирического его проявления. И таким образом понятное Абсолютное не исключает политеизма и предполагает поиск мирного сосуществования религий. Именно в таком ракурсе поставленная проблема единства многообразия привлекает и Карсавина, исследовательский интерес которого был направлен на изучение ересей христианства и по убеждению которого Россия в своих религиозно-философских исканиях начала XX столетия была типологически близка периоду развития христианской мысли в Европе XI–XIII вв. Но это отдельная тема, которую мы здесь не затрагиваем.

Очевидно, что Карсавин без оговорок перенимает понятие "стяжённо". Это проявляется в близости формулировок и положений в философии личности Карсавина и в учении Кузанского, включая и последствия, которые возникают с введением данного понятия. Более того, для Карсавина Кузанский формулирует идеал, "программу философствования, указывает цель мысли и жизни"[33], которая заключается в поисках единства устремления к миру и к Богу; в возвращении к жизни в Едином, в церкви.

## ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ И.В. ГЁТЕ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ГНОСЕОЛОГИИ С.Л. ФРАНКА

*О.А. Назарова*

"Мы знаем бытие, потому что мы сами существуем, потому что мы живем и в нас непосредственно проступает та сама себе очевидная первооснова бытия, которую мы зовем жизнью"[1]. В этих немногих словах выдающегося мыслителя русского философского ренессанса Семена Людвиговича Франка, высказанных им в статье "Кризис современной философии", заключены суть и смысл развиваемой им онтологической гносеологии. Одним из основных источников теоретикопознавательных построений Франка является богатое фило-

---

[32] *Hoffmann E.* Das Universum des Nikolaus von Cues. S. 28.

[33] *Карсавин Л.П.* Джиордано Бруно. С. 266.